

С 79

109950

Мух Стенанов

**НОЧЬ
УМИРАЕТ
С РАССВЕТОМ**

...От человека остаются только
одни дела его.

А. М. Горький

БУРЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН-УДЭ 1963

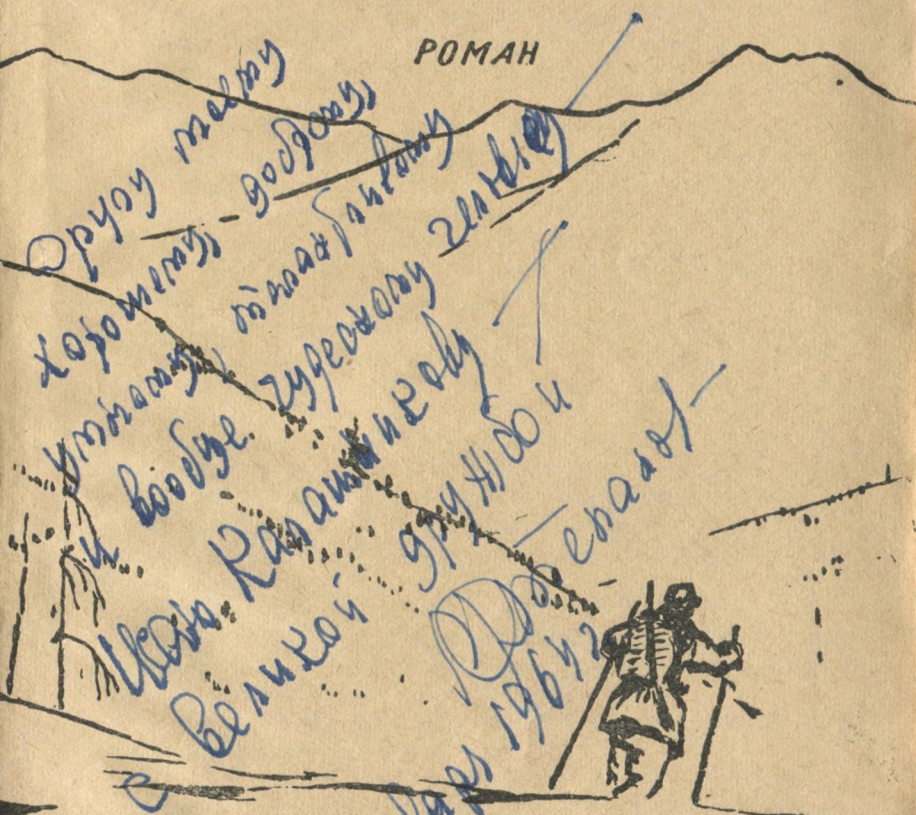

Мух. Степанов

НОЧЬ УМИРАЕТ С РАССВЕТОМ

РОМАН

*Оруду талру
Хороменту - водруду,
Утману - интагану
Мана Курману Занбу
Великой Грунуби
20 Январь 1964г*

109950

МАУ ЦБС
г. Улан-Удэ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СВОЯКИ

Жизнь пошла кривыми, темными тропами... Давно ли все было просто, спокойно — большой светлый дом-пя-тистеночек, ситцевый цветастый полог над широкой резной кроватью, дедовский — желтой меди — самовар на столе, тихая лампада перед темной иконой в переднем углу...

Василий Коротких, мужик лет сорока, ссутулил узкие плечи, вздохнул. Протянул к огню длинные, тощие руки, тоскливо оглядел тесную землянку: у почерневших от копоти стен притулились два топчана, у оконца — столик из шершавых неоструганных досок. На столе грязно. Над одним топчаном висит на деревянном гвозде офицерский кортик, над другим — ничего нет: Спиридон Никитин, второй житель землянки, ушел в тайгу зверовать, взял свою винтовку. А винтовка Василия здесь, лежит возле него. Такое время, что нельзя без оружия...

А ведь еще недавно все было по-другому. Василий прикрыл тяжелые веки и словно наяву увидел свой широкий чистый двор, по которому важно вышагивал золотой голенастый петух, услышал сытое мычание своих коров, бляение овец. Пять коней было. Полный двор работников.

Все было. Жизнь была. А теперь ничего нет.

Василию стало жалко себя, вспомнилась жена, дочка Настя — ласковая, смышленная. Третий годик пошел...

Он перекрестился:

— Сохрани их, господи милостивый, не покарай за мои тяжкие прегрешения...

Печка в землянке из проржавевшей железной бочки, черт знает, как бочка попала в таежную глухомань.

Василий подбросил в печь два смолистых полена. В бочке загудело пламя, на ржавых боках у нее проступили яркие красные пятна. Василий отвернулся: точно кровь.

Что-то Спиридон припозднился. Хотя, дело таежное — уйдешь ненадолго, а проходишь бог весть сколько. К тому же год выдался неурожайный на зверя: зимой вовсе бедовали, впору было вылезать из своей берлоги, славаться на милость Советской власти. А какая от нее милость может быть, когда вон сколько грехов на душу принято.

Дрова прогорели, выходить из землянки за новыми не хотелось: за стенами завывала пурга — видать, последняя, февральская.

Красноватые отблески, ползающие по стенам от раскаленной печки, сначала померкли, а потом и вовсе погасли. В землянке стало темно. Даже огарка нет, чтобы засветить... Василий выругался, сунул в печку конец лучины. Пока раздувал, чуть не опалил бороду — борода у него длинная, жидкая, нос большой, хрящеватый, серые глаза навывкат, с тяжелыми веками.

Лучину воткнул в паз между бревнами.

Спиридону давно пора вернуться. Запутаться не мог — не таковский мужик. С чего Спиридон так переменялся? Молчаливый, задумчивый, глаза прячет. Уж не затаил ли чего худого, подлюга? То Христом богом клялся, что друг по самую смерть, а теперь морду воротит. Когда харчи кончились и больше недели они даже зайца паршивого не могли добыть, как он сказал тогда? Пойду, сказал, в деревню или в бурятский улус и выкажусь. У меня совесть не замаранная, я весь на виду, повинную голову и меч не сечет. Испокон веку на Руси так... А того, гадина, не сказал, что был правой рукой самого сотника Соломахи... Вот упырь этот Соломаха, только что крови не пьет. Спиридон ни на шаг от него не отступал — куда Соломаха, туда и он, как привязанный. Оба в кровищи, глаза дикие... В Троицко-савске в Красных казармах, они, почитай, ни одного выстрела не сделали, а все шашкой. Как лозу арестантов рубили. Вскочат на коней, и пошла работа... Умаются, взопреют — марш водку пить. Тогда эту молоденькую евреечку, Ида, что ли ее звали, Спиридон прикончил. Нагайкой хлестал, потом шашкой полоснул. Из

мертвой головы гребенку вытащил — на память, говорит. И посейчас в кармане гребенку таскает, как его страх не берет?

Да, были дела... Василий снова перекрестился: спасли святые угодники, вырвали из крошечного ада.

В землянке стало прохладно: тепло уходило через щели в стенах, через неплотную крышу. Они поселились в январе, починять да конопатить некогда было.

— Все тепло высвищет,— проговорил Василий. — Ишь, стонет... Будто душа христианская неприкаянная.

Надо сходить за дровами — они здесь же, у сарая, возле землянки, целая поленица наготовлена — иначе и под крышей можно околоть с холоду, но все тело намертво сковывал колючий страх. Страх пришел не впервые — последнее время он не оставлял Василия надолго: так и сидел в середине, возле самого сердца.

— Одна смехота получится, ежели замерзну в избе, возле печки,— по-прежнему вслух сказал Василий.— Однако, принесу дров.

Он надел полушубок, перекинул через плечо винтовку и пошел к двери. У порога остановился, щелкнул затвором: вогнал патрон в ствол. Едва взялся за дверную ручку — ветер с силой распахнул дверь, словно вытащил Василия на улицу.

— Христос спаситель...— пытаюсь совладать с дверью, испуганно пробормотал он.— Вот нечистая сила...

Ветер намет возле землянки глубокие сугробы. Сухой мелкий снег резал лицо. По небу неслись черные лохматые тучи, то открывали, то закрывали холодный блестящий месяц. Перед глазами вдруг вспыхивал сверкающий голубоватый снег, возникали, как при молнии, черные, зловещие стволы голых лиственниц, качались непонятные живые тени, прятались за деревья. Через миг все будто проваливалось в черную бездонную пропасть, словно навсегда исчезало с божьего света.

— Матушка царица небесная, заступница наша,— бормотал Василий,— спаси и помилуй!..

С трудом добрался он до поленицы, торопливо набрал охапку дров и, прихрамывая, бегом бросился к дому. Скоро в печке опять вспыхнуло яркое веселое пламя, загудело, защелкало разноцветными искрами.